

Довелось понять много жизней...

На сей раз любителей театрального искусства радует своеобразная афиша, приглашающая на юбилей двух актеров Художественного академического театра им. Я. Райниса Латвийской ССР — Вилмы Ласмане и Германа Ваздика. Уже много писалось о совместном пути обоих артистов, о том, что в династии Ваздика есть еще Илзе и Улдис — сегодня тоже известные актеры.

Поэтому на сей раз, держа в руках приглашение с фотоснимками юбиляров, мне хочется думать о том, какое место занимают эти актеры в коллективе Художественного театра и чем они больше всего тронули наши сердца. Не хочется перечислять их многочисленных героев, приводить биографические данные — это задача авторов монографий.

Сегодня уже никто не отказывается признать, что Художественный театр был выразителем сурового романтизма, что его коллективу необходимы были актеры, способные выразить эти идеалы. Вилма Ласмане имела все природные данные для того, чтобы играть героинь Райниса: не пламенную Спидолу, а невинную, чистую Лаймдоту. В «Индулсе и Арии» мы до сих пор помним ее своеобразную, волнующую Визбулите, жаждущую дружбы. А Байба — героиня, о которой мечтали все актрисы и которую не каждой удалось правдиво сыграть! У Байбы Вилмы Ласмане больше стойкости и упрямства, чем у этой же героини в исполнении других актрис. В каждом взгляде, улыбке, оттенке голоса мы ощущаем ее самостоятельность и желание самой решать свою судьбу.

И вот однажды перед зрителями на сцене предстали «Три сестры» А. Чехова. Здесь перед нами совсем другая Вилма Ласмане — Наташа. Слово ласковый котенок, она проникает в гостиную дома Прозоровых, где празднуется день рождения Ирины. Во втором действии в эту же гостиную снова входит Наташа, но уже как полноправная хозяйка дома. Наташа В. Ласмане пересекает сцену со свечой в руке. Но как она это делает! Актриса показывает прошлый, сегодняшний и завтрашний день героини. Героиня А. Чехова жила в противоречивом мире, где сталкивались поэзия и утилитарность. Олицетворением практицизма в нем является Наташа. Актриса избегала играть лишь вульгарную мешанку, за что ее упрекали критики, но режиссер Фелицита Эртнере никогда не признавала откровенного разоблачения, поэтому в Наташе В. Ласмане ощущается даже некоторая сердечность...

Мне всегда казалось, что Вилма Ласмане с широко распахнутой душой воспринимала любое, самое маленькое задание. А если ей предлагали большую роль, как, например, Анны в пьесе Константина Финна «Ошибка Анны», то она вкладывала в нее все: сердечность, фантазию, силу характера и умение доказать позицию своей героини.

Вилма Ласмане разговаривает со зрителями откровенно, сердечно. С необычайной тщательностью выписывает она сатирические характеры, такие,

например, как Дама легкого характера в остроумной комедии Хейнара Кипхарда «Срочно ишу Шекспира». Мы никогда не говорили, что образы, созданные этой актрисой, надуманы. Мы видели в них себя, своих знакомых.

Согласно давним традициям театра, Германа Ваздика можно причислить к так называемой категории любовников. Не случайно своим юбилейным статьям о нем Петерис Петерсон давал заголовки «Неужели Герману Ваздику уже 50?» или «Неужели уже!..» (к 60-летию актера). Это вполне закономерное изумление. Прошло столько лет, а Герман Ваздик по-прежнему статен и молод. Я никогда не наблюдал за ним на репетициях, но, судя по ролям, молодость в нем неувядаема.

Не так уже легок был его жизненный путь. Всегда он был озабочен воспитанием коллектива театра, обременен общественными делами. Неоднократно Германа Ваздика избирали секретарем первичной партийной организации. Да и в семье обязанностей было немало. И всегда все коллеги как один отмечали хороший характер, доброту, принципиальность Германа Ваздика.

Из его многочисленных ролей мне на сей раз хочется напомнить только одну — Николая Дмитрича Бобырева из сатирической драмы М. Салтыкова-Щедрина «Тени».

Мелкий чиновник приезжает в Петербург из Пензы, где он служил, и с замиранием сердца входит в кабинет своего школьного приятеля Клаверова, который в свои 30 лет уже стал «его высококопировосодительством». У Бобырева лишь одна мечта — устроиться работать в этот департамент. Жалкий человек, которому начальник действительно дает «хорошее место» лишь из-за красивой жены, неожиданно узнает всю правду. И решает в гневе восстать. Правда, это жалкий бунт. Бобырев напирается, чтобы набраться смелости и назвать Клаверова негодяем. С большим драматизмом Герман Ваздик произносит длинный монолог, когда Бобырев с ужасом, отчаянием и стыдом вспоминает всю свою жизнь. Ваздик заставляет зрителей понять, что Бобырев или должен сойти с ума, или бросить все и бежать, куда глаза глядят, или вступить в борьбу с тенью прошлого. Но Бобырев выбирает другой вари-

ант — присоединяется к легиону подлецов.

Всегда, когда видишь героев Германа Ваздика, кажется — он говорит нам о жизни, требующей полной самоотдачи. О том, как ужасна бесплодно прожитая жизнь. Всегда актеру есть что сказать.

Пройдут многие годы, но поколение 50-х годов, которое видело спектакль «Три сестры», будет помнить сцену прощания Ирины — Милды Клетнице и Тузенбаха — Германа Ваздика. «Я не пил сегодня кофе. Скажешь, чтобы мне сварили...» — эти слова Тузенбаха звучали словно между прочим. Но герой знал, что никогда больше он не увидит ни Ирины, ни поэтической еловой аллеи... Фелицита Эртнере всегда любила актеров, которые раскрывают внутренний мир своих героев постепенно, исподволь, но тем не менее упорно приближаются к результату. Поэтому у Ваздика почти не было «тайм-аутов». Наряду с его положительными героями были и противоречивые характеры, были военачальники (Кутузов), умные люди и простодушные чудачки... Актеру довелось понять и сыграть много жизней.

Оба артиста встречают свой юбилей инсценировкой повести Ф. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». Особенно сложная задача в ней у Германа Ваздика, играющего мучителя и садиста Фому Фомича Опискина. Он должен убедить зрителей в том, что все обитатели села Степанчиково попадают под влияние этого выродка. Пока идут первые спектакли, еще ощущается скованность ритма. Юбиляр часто признавался, что по-настоящему он вживается в роль со временем. Зато Вилма Ласмане уже теперь хорошо чувствует себя в образе Анфисы Петровны Обноскиной. Эта уездная дамочка-сплетница занимает весьма видное место в абсурдном быте обитателей села Степанчиково.

Совместный творческий путь всегда более легок. Разделенная забота — лишь ползаботы. Зато общий праздник — праздник вдвойне. В Художественный театр завтра, во второй половине дня, придут люди и скажут: «Впереди у вас еще много работы». А для актера нет большего счастья, чем работа.